

БИРОБИДЖАНСКАЯ ЗВЕЗДА

О Николае Симонове ходят легенды. Его называют наследником Павла Моталова, хранителем особой тайны творчества...

Как ни странно, ни в детстве, ни в юности будущий актер даже не помышлял о театре. Его мечты были связаны с изобразительным искусством. Еще мальчиком, в Самаре, он учился в художественно-промышленной школе, а в 1918 году уехал в Академию художников. Принят был сразу, несмотря на недостаточность подготовки. Его живописные способности обратили на себя внимание экзаменационной комиссии. Известный русский художник А. А. Рылов взял юношу в свой класс и пророчил ему большое будущее. Но, проучившись около трех лет, молодой человек неожиданно для всех ушел из академии. Никакие убеждения педагогов не помогли. Как Симонов сам пытался объяснить, в нем назрела необходимость «переменить всю свою жизнь».

И вот девятнадцатилетний юноша, в малознакомом городе, без квартиры и профессора, пошел изучать жизнь. В течение нескольких месяцев он перепробовал самые разные специальности. Сравнительно долго был грузчиком в порту. Однажды, прямо после разгрузки судна, явился в Институт сценических искусств, где проходил прием на актерский факультет. Красивый, голубоглазый, с лохматой шевелюрой, одетый в какую-то робу, он показавшись в академической обстановке института романтическим героем, сошедшим прямо со страниц торьковских рассказов.

Через несколько минут вопрос о его будущем был решен. Попад в мастерскую опытного и чуткого педагога Леонида Сергеевича Бивьена, Симонов стал актером. Еще в институте он сыграл Мизгиря в «Снегурочке» Островского, Дон-Жуана, Рогожина в «Идиоте» Достоевского. А через два года после поступления в институт Симонов был принят в труппу бывшего Александринского, ныне Академического театра драмы имени А. С. Пушкина, где и прошла вся его театральная жизнь.

В середине двадцатых годов он впервые появился на подмостках Академического театра драмы, и о нем сразу же заговорили. Человек-богатырь, создавая которого, природа не совершила, можно сказать, ни одной оплошности, он был как будто нарочно рожден для того, чтобы воплотить на сцене образы людей нового мира — могучего партизанского вожака Никиту Бершинина из «Бронепоезда 14-69», комкора Мехоншева из «Конца Криворыльска» или председателя исполкома Береста из «Платона Кречета». Уже в этих первых ролях Николай Симонов предстал как актер-гуманист, пришедший в искусство для того, чтобы про-

НАШ КАЛЕНДАРЬ

АКТЕР-ГУМАНИСТ

К 80-летию со дня рождения Н. А. СИМОНОВА

славлять воспринявшее в новом обществе человеческое достоинство и красоту человеческой личности. В молодых героях первых революционных пьес было много такого, что сблизало их с исполнителем. Симонов учился делать жизнь почти рядом с ними. Ему были близки их отвага, их преданность революции, их целеустремленность. В свою очередь молодой актер награждал своих героев исключительной эмоциональной силой, взволнованностью, романтической яркостью. В его Бершинине, возможно, не хватало той мудрой глубины, какой обогатил своего героя в спектакле Художественного театра замечательный исполнитель этой роли Качалов. Но Бершинин Симонова был моложе, непосредственнее и возмещал недостаточность мудрой принципиальности революционным азартом. Этот азарт действовал на зрительный зал и заражал его своим искренним порывом. Огромный романтический заряд был заложен Симоновым в образ Семена из спектакля «Ярость» Яновского. Симонов играл немца, который, угадав предательство, пытается раскрыть его и в страшном взрыве ненависти к врагам ре-

волюции обретал дар речи. Последний акт спектакля, где Семен Симонова прорывал многолетнюю зону молчания, производил впечатление вулканического взрыва. Молодой актер с огромной силой передавал чувство справедливой ярости, великий гнев правды. Принципиальная новизна образа Петра Первого, с которого началась мировая слава Н. Симонова, заключалась в органическом соединении великого и простого. Симоновский Петр — мудрец, воин, труженик, упрямец, самодур и мечтатель. Нельзя забыть этого гиганта с дерзким и пронзительным взглядом, с гривой волос, гордо оттягивающей голову, с откровенной и дерзкой улыбкой. Сила симоновского Петра была в том, что в нем абсолютно органично, в едином слове сочетались пафос преобразователя и дерзкий азарт, огромная экспрессия и юмор, тяжелая властная хватка и простодушие, царственная надменность и ненавистная, от всей души простота.

В лучших своих ролях Симонов всегда говорит об ответственности человека перед человечеством. Его герои вершат суд над собой по самому строгому и большому счету.

Тема обостренной совести проходит красной нитью через творчество актера, которые определяют Симонова-художника. В «Живом трупе» Толстого с наибольшей полнотой проявились и трагедийные основы творчества Н. Симонова, и его необыкновенная лирическая глубина. Чем больше всего поражал и захватывал симоновский Протасов? Тем, что он самый живой среди духовных мертвецов каренинского Петербурга. И тем еще, что, ничего не требуя для себя, этот Протасов ни в чем никогда не сможет пойти на сделку с совестью. Вот эта особенная, открытая глазу и требовательная протасовская совесть бросает свой яркий свет на все, что происходит в драме Толстого.

Тема нравственного долга, утверждения человеческого достоинства, защиты погрязших прав личности привлекла актера в драме Гаузмана «Перед заходом солнца». Трагедия симоновского Клаузена не в том, что хищная и ханжеская мораль преградила ему путь к счастью. Трагедия в другом. За поступками своих детей старый гуманист Клаузен видит угрозу надвигающегося фашизма и считает своей обязанностью встать перед этим врагом права человечности и гуманизма.

Гуманизм Симонова актуален, современен. Это гуманизм борца, всегда готового заплатить собой за идеи, которым он служит. Это и составляет внутренний оптимизм его творчества.

А. ДАВЫДОВ,
преподаватель КПУ.